

ЛИЯ ФЛЕКС

ОЛИГАРХ

Ули

В БЕДЕ

КУРАМ НА СМЕХ

Лия Флекс

Олигарх в беде, или Курам на смех

«Литнет»

2026

Флекс Л.

Олигарх в беде, или Курам на смех / Л. Флекс — «Литнет», 2026

Она: у меня хозяйство, огород и твердое убеждение, что все мужики — маменькины сынки без рук и мозгов. Поэтому живу одна и прекрасно справляюсь. Но тут приезжает зять с друзьями и выгружает в сених... связанного олигарха не первой свежести. Он: мне плевать на кур, трудотерапию и целебный воздух. Друзья-предатели зря стараются — меня уже не спасти. Хозяйка хочет, чтобы я кидал навоз за еду? Да ни за что!*** — Значит так, «бодибилдер», — потыкала пальцем в широкую грудь. — У меня здесь не пятизвездочный отель. Хочешь есть — дуй чистить курятник. Хочешь пить — вон колодец, ведро в зубы и вперед. Вадим, еще вчера ворочавший миллионами, обвел мою ферму взглядом, полным праведного гнева. — Ты хоть представляешь сколько стоит час моего времени, женщина? — Знаю. Ровно одну порцию моих домашних пельменей. И не забудь про молоток: забор сам себя не починит! В тексте вас ждут: Суровая хозяйка куриной империи. Помятый жизнью, но всё еще чертовски привлекательный олигарх. Трудотерапия против депрессии и похмелья. Хэппи-энд, от которого станет тепло на душе. Книга пишется в рамках авторского литмоба «Мужчина на перевоспитании»;

© Флекс Л., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	17
Глава 6	22
Глава 7	24
Глава 8	26
Глава 9	30
Глава 10	32
Глава 11	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глава 1

Надя

Звонок от Сашки оказался полной неожиданностью, и я тщательно вытерла руки о полотенце, прежде чем ответить. Прядь волос упала на нос, и я дунула на нее, одновременно нажимая на кнопку соединения.

— Уф! Алло!

— Надя, привет. Это Саша.

— Вижу, что-то стряслось? У Кати все в порядке?

Муж сестры нечасто мне звонил, мы слегка недолюбливаем друг друга после того, как они сходились-расходились по десять раз, а я выслушивала причитания младшей сестренки — какой ее бывший козел. Но потом они все же сошлись окончательно, и мне пришлось свое недовольство затолкать куда подальше. К тому же Катка ждала малыша.

— Да, котенок в порядке, — голос Саши потеплел. — Я с личной просьбой, Надь. Она может показаться тебе странной, но мы с пацанами просто не знаем, как быть.

В трубке раздалось мужские голоса, как будто там разом заговорили несколько человек. А затем Саша на них цыкнул и продолжил:

— Короче, мой партнер по бизнесу, может помнишь — Вадим Сотников, спивается. Ушел в загул, на связь не выходит. Одним словом, пропадает мужик.

— Это все интересно, Саш, но при чем тут я?

Сказать, что звонок странный — ничего не сказать. Куда он клонит? С тоской взглянула на тесто, которое стало опадать. Невовремя зять позвонил.

— Ну у тебя же хозяйство, куры..., — Саша замялся.

— И?

— Короче, мы тут подумали... — на том конце раздалось одобрительное гудение.

У них там что? Коллективное собрание у телефона?

— ... подумали и решили, что твоя ферма — идеальное место для перевоспитания заблудшей души Вадика.

— Чего? Александр, ты там часом головой не ударился?

На языке крутилось более емкое словечко, но сдержала порыв.

— Надюша, ты сразу не руби с плеча, подумай. Он мужик хороший, приличный, если не пьет. К тому же — физически сильный, бодибилдингом увлекался раньше. Неужели в хозяйстве лишние руки не пригодятся? А ему позарез нужен свежий воздух, здоровое питание и отсутствие городских искушений в виде алкомаркетов. Побудет недельку-другую, вся дурь выветрится, и мы его заберем.

— Саш, это полный бред. Ты понимаешь, о чем меня просишь? У меня же не центр реабилитации для сирых и убогих, в самом деле. Это куриная ферма, здесь знания нужны, руки толковые. Нафига мне ваш алконавт? Думаешь, у меня своих забот не хватает?

Обвела взглядом территорию. Дом отгрохала добротный, будь здоров. Пять лет назад въехала, еще с Андреем. Думала, семью заведем, детишками дом наполнится. Наивная. Андрей оказался из породы перекаати-поле: покрутился два года, попил моего парного молочка, поел домашних солений, а когда понял, что требую от него не только красивую картинку, но и реальных дел по хозяйству — слился. Еще и денег прихватил на прощание, гад. Сказал, что я «пилю его» и вообще — мужик должен развиваться, а не в навозе копаться.

Развился, блин. До сих пор, говорят, по съемным квартирам мыкается, альфонсит у сердобольных дамочек.

С тех пор я зареклась: никаких мужиков. Сама справлюсь. И справлялась по сей день. Три тысячи бройлеров, пятьдесят несушек, два десятка индюков и кролики — об остальном

уже молчу. Огород, теплицы, заготовки... Руки из нужного места растут, голова варит — чего еще надо?

Но иногда, бывает, вечером сядешь на крыльцо, смотришь на закат, и так тихо-тихо вокруг. Только куры квохчут. И думаешь: а с кем словом перемолвиться? С Петровной из соседней деревни? Так она только о болезнях. С зятем? Так он только о бабле. С сестрой? У нее теперь своя жизнь, муж, ребенок на подходе...

Тьфу, раскисла. Встряхнула головой, отгоняя хандру. Нечего себя жалеть. Вон тесто уже совсем осело — а от него и то больше толку, чем от некоторых мужиков.

— Надь, ты там чего молчишь? — вернул меня к реальности зять. — Ну я очень прошу, по-родственному, — зашел с подветренной стороны хитрец. — Я ж никогда тебя ни о чем не просил. Загибается мужик, спасай. Только в деревню осталось его увести, мы уже все остальное перепробовали.

— Ну допустим я соглашусь, — уперла руку в бок, хотя Саша этого видеть не может, — а за меня ты не переживаешь? А если этот твой олигарх бросится с кулаками? Или еще чего похуже. В бега подастся в самом деле?

— Если сбежит, мы сами его ловить будем. А драться не полезет — у него воспитание не позволит женщине обидеть. Он правда мирный, только несчастный. У него жена погибла год назад, понимаешь? С тех пор сам не свой. Дочка в Швейцарии учится, редко приезжает. Один он в этой квартире огромной, как маятник качается — то работа, то запой. Мы уж все перепробовали: и к психологам водили, и кодировали, и к бабкам возили. Ничего не берет. А тут идея пришла — может, простая деревенская жизнь, работа физическая, забота женская... Ты же у нас знаменитая хозяйшкa, Надь. Вон какой дом построила, хозяйство подняла. Может, и его на ноги поставишь?

Я вздохнула. История, конечно, печальная. Жена погибла, дочка далеко, один в пустой квартире. Знаю я это чувство, когда тишина да стены давят. Только свою тишину я работой заглушаю, а он, видать, бутылкой.

— Ладно, но у меня есть условия, — выдохнула, предчувствуя, что дражайший родственничек подкинет проблем.

— Мы на все согласны, Надь. Да, мужики?

Дружное угуканье стало мне ответом. Ну что ж, сами напросились.

— Тогда доставай ручку и пиши. Вместе со своим болезным привезите мне...

И я припомнила все, что нужно было купить в городе, да никак руки не доходили: генератор, краску для пола, сетку на двери от мух, пару метров бечевки, кадку под квашеную капусту, винтовой пресс для отжима виноградной мезги на вино... Ой, да много чего. Под конец Саня даже «угу» перестал говорить. На всякий случай уточнила:

— Все записал?

— Да. Ну, Надька, ты точно не пропадешь, — выдохнул обреченно.

— Не вздыхай, с вас не убудет. Поделите список на всех, там по пару тысяч всего.

Это я приукрасила, конечно. Сумма наверняка приличная вышла. Но если я буду кормить их друга, выхаживать после запоя — могу же рассчитывать на некоторую компенсацию?

— Жди, завтра приедем, все привезем.

И Саня отключился.

Я вернулась к тесту, обминая его мягкие податливые бока, про себя прикидывая — к какому такому делу можно пристроить бывшего бодибилдера? Дрова колоть? Навоз возить? Может, пусть забор починит? Он у меня весь покривился, старый. Ладно, приедет — там видно будет, на что сгодится мужик.

Только одно меня смущало: Сашка сказал «завтра приедем». А у меня в доме ни одной лишней кровати нету. Где я этого горе-богатыря спать уложу? В сенях? Так там холодина по вечерам. В доме только моя спальня да гостиная со старенькими креслами.

— Ну ничего, — сказала сама себе, укрывая тесто полотенцем. — Чай не в отеле. Привыкнет, граф. Перевоспитание, блин...

Глава 2

Вадим

Жуткая трель стояла в квартире. Такая, что казалось — сейчас мозг вылетит сквозь уши. И какого хрена так трезвонить?!

— Иду, иду. Башка болит. Черт!

Споткнулся о пустую бутылку. В углу лежат еще две. Не помню — это вчерашние или позавчерашние? Один хрен.

Проходя по коридору, краем глаза зацепил закрытую дверь. Ручку даже не трогаю уже полгода. Там все как было: ее крем на туалетном столике, халат на спинке кровати, тапочки. Запах духов до сих пор, кажется, витает, если приоткрыть. Но я не открываю, чтобы не выветрился. И сплю в зале на диване, как пес, которому от старой конуры оставили только подстилку. Лучше так, чем каждый раз видеть пустую половину слева от себя.

Дернул головой, отгоняя наваждение. В дверь же звонят.

— Чего приперся? — приоткрыл дверь слегка, хмуро оглядывая стоящего по ту сторону друга. Сашка лыбится, как новенький пятак. Такой счастливый и радостный, что блевать тянет.

— Не пустишь друга?

Нагло протиснулся в коридор мимо меня, еще и выдохнул:

— Ну и воняет же от тебя, Вадик! Хоть бы зубы почистил.

— Не хочу. Чего приперся?

Закутался в покрывало с головой плотнее. С перепоя бьет дрожь, во рту так сухо, словно котики насрали. Еще и этот... прошелся туда-сюда по квартире и завел старую пластинку.

— Вадь, давай завязывай, а? Уже год квасишь. На работе ты когда появлялся в последний раз? Ты еще не забыл, что мы не просто друзья, но и бизнес-партнеры? Мне надоело одному все тащить, пока ты бабки сливаешь в унитаз. Которые, между прочим, я один сейчас зарабатываю.

— Тоже мне, работничек нашелся, — я прошел на кухню и налил воды прямо из-под крана. Бактерии? Ну и черт с ними. Сушняк волновал больше, чем качество воды в водопроводе. Взгляд уперся в кофейную чашку на сушилке. Это ее чашка, с чуть отбитым краем. Надо бы давно от нее избавиться, да рука не поднимается.

— Так и будешь себя жалеть, сопли на кулак наматывать? — Саня последовал за мной, как тень. Какой смелый стал... Раньше за такие слова можно было бы и в бороду получить, а теперь не боится. Дожились.

— А тебе с этого какая забота? — отвернулся к окну, чтобы не смотреть другу в глаза.

Знаю, что я там увижу: жалость и сочувствие, попытки меня спасти. Все это мы уже проходили сто раз. Зря Саня вообще приехал, только время впустую тратит.

За окном серое небо, машины едут куда-то по своим делам. А у меня внутри так пусто, что хоть волком вой. Только беленькая чуть исправляет ситуацию.

— Вадь, я в последний раз тебя по-хорошему прошу — завязывай с бухлом, берись за ум. Ты мне на работе нужен, пацаны тоже переживают. Сколько можно? Она бы не хотела, чтобы ты так...

— Не смей! — рявкнул так, что друг отшатнулся. — Не смей говорить, что она бы хотела. Ты не знаешь. Никто не знает.

Стало тихо. Только холодильник загудел назойливо, громко, жалуясь, что никто его не размораживал уже целую вечность. Саня замер, переминаясь с ноги на ногу, потом вздохнул тяжело.

— Ладно, прости. Я просто... блин, Вадь, я же люблю тебя, дурака. Да и мы все. И хотим тебя вытащить из этого болота.

— Ладно, — согласился, потому что это был самый короткий и простой путь. Быстрее избавлюсь от этой «мамочки» с его заботой и беспокойством.

— Точно? Не врешь? — Саня обошел кругом, заглядывая в лицо.

— Нет. С сегодняшнего дня все, в завязке. Обещаю.

Выдержал дружеский взгляд. Врать мерзко, но еще хуже — вот эти его «заглядывания». Сколько раз я уже так говорил? Им всем... И ей. Обещал у могилы, что не стану больше пить, возьмусь за ум. Но потом наступал вечер и...

Лучше бы Сашка махнул на меня рукой и выкинул из бизнеса. Я человек пропащий, поздно спасать. Но друг лишь улыбнулся коротко, хлопнул по плечу и пошел к двери.

— Тогда увидимся завтра на работе?

— Ага. Пока.

С трудом дождался, пока дверь закроется, и полез в шкафчик. Где-то тут была заначена еще одна бутылка. Я знаю, что это финиш. Качусь по наклонной без тормозов и просто жду, когда произойдет финальное столкновение. Скорее бы уже, сил нет так жить дальше.

Дверь снова хлопнула. Забыл, чего, Санек?

Я быстро вернул бутылку на место и едва успел захлопнуть дверцу кухонного шкафчика, как на кухню ввалилась вся наша компания: Герман, Жека, Саня, Егор.

— Мужики, а вы чего это..?

Не успел договорить, как...

— Суки, вы что делаете?!

Навалились все вместе, руки скрутили за спину, кто-то щелкнул наручниками. Саня, друг мой сердечный, сука Саня — влепил мне под дых хорошенько. Да так, что я поперхнулся воздухом и согнулся пополам.

— Прости, Вадь. По-другому никак, — в голосе этого предателя зазвучали нотки сожаления. Ну только дайте мне разогнуться, всех поломаю, черти!

— Я вас всех сейчас убью...

И в рот мне засунули мой же носок. Благо — чистый, с батареи. Не помню, сколько он там висел — одинокий. И должно быть не ожидал, что пригодится таким образом.

Замычал, вращая глазами. Убью, сволочей! Твари! Предатели! Надумали меня насильно кодировать? Так мы и это проходили. Херня собачья ваши кодировки! Через месяц все равно срываюсь, потому что внутри эта дыра проклятая, гигантская. Ничем не зашить.

— Прости, братан, — Жека подхватил меня под левую руку, Герман — под правую. — Мы правда от всей души желаем тебе здоровья. Но ты не слушаешь. У тебя остался последний шанс стать снова человеком.

— Поедем в одно место, Вадик. Может, хоть там у тебя мозги на место встанут? — добавил Егор, заходя сзади.

Поволокли к двери. Я брыкался, мычал, пытался вырваться — куда там. Четверо здоровых лбов, а я после недельного запоя — тряпка тряпкой. А ведь когда-то любого из них одной левой укладывал. В спортзале рекорды ставил, вес такой поднимал, что пацаны молча завидовали. А сейчас даже дернуться нормально не могу. Руки не слушаются, ноги ватные. Допился, герой.

— Вы что задумали, гады?!

Мычание вышло жалкое, невнятное. Но они и так поняли.

— Увидишь, — Саня нажал на кнопку лифта. — Там тебя одна тетенька ждет. Добрая. Говорят, рукастая. Она из тебя всю дурь быстро вышибет.

Тетенька? Какая еще тетенька? Что за бред?!

Лифт поехал вниз, а у меня в голове мелькнула мысль: «Доигрался, Вадим. Друзья решили в дурку сдать».

Глава 3

Надя

Перед приездом подопечного стало как-то не по себе. Я в десятый раз выглянула за калитку — может, показалось? — но Санькиного джипа не было видать. Только пыльная дорога убегала к горизонту, да стрекозы носились над травой.

И зачем только согласилась? Сидела бы сейчас спокойно, пила чай с мятой, радио слушала. А вместо этого жду неизвестно кого. Алкаша. Олигарха. Мужика с проблемами. Три в одном — как в дешевом шампуне.

Моя любимица из несущек — Рябушка, подвернулась под ноги, и я подхватила ее на руки. Провела ладонью по жесткому оперению крыльев и сразу отпустило. Рябушка вообще хорошо успокаивает. И яйца несет отменные, крупные, желток яркий — просто загляденье.

Я хозяйка положения, чего нервничать? Будет плохо себя вести, скажу Саше, чтобы забирал буйного. Или в крайнем случае — огрею лопатой. Тоже мне, делов-то! Не таких обламывали. Вон, прошлым летом участковый приезжал, думал, что я тут самогон гоню — так уехал несолоно хлебавши.

В конце улочки показалась пыльная туча, которая стремительно приближалась. Едут! Везут.

Отошла к крыльцу, устроившись на низенькой табуретке с невозмутимым видом, будто не мельтешила только что как ненормальная по двору. Рябушку еще раз погладила, чтобы закрепить успокоительный эффект.

— Ну вот, у нас все схвачено, милая, да?

Курица ничего не ответила, только клюнула легонько в руку.

Большая черная машина бодро припарковалась у моих стареньких ворот и сразу же стало шумно. Хлопанье дверей, мужские голоса, какая-то возня. Целых пять мужиков на подворье. Вот ужас-то. Полдеревни сбежится сейчас на шум, а мне потом объясняй, что это не банда, а гости.

Расправила плечи шире, поглядывая лениво на творящееся безобразие. Четверо тащили одного, упирающегося. Видок у него был, мягко говоря, устрашающий. Лицо багровое, жилы надулись. Глаза... можно было бы назвать красивыми, если бы они не были такими бешеными. Синие, как васильки в поле, но злые — хоть прикуривай.

Плед, который каким-то чудом держался еще на плечах, не скрывал мощной фигуры. Широченные плечи, ручищи — будто он не бизнесмен, а кузнец или штангу всю жизнь таскал. И впрямь, бывший спортсмен. Не соврал зря.

— Надь, привет. — выдохнул Сашка, между делом пихая мычащего олигарха в бок. — Куда его?

Я пригляделась внимательнее. Что это у него во рту? Кляп?

— Ну вы даете, братцы, — озадаченно потерла лоб. — Неужели нельзя было по-человечески как-то? Договориться? Уговорить?

Мне даже жаль стало бедолагу: тащат, как куль с картошкой. Встала с табуреточки, одергивая рубашку и открывая проход к дому.

— Занесите его в сени, и осторожнее там! Не разбейте лампу!

Я свой дом строила под себя, а тут — приперлись бугаи. Сейчас лбами посшибают мои дизайнерские люстры. Осталась на крыльце, чтобы перевести дух и осознать, во что ввязалась. А мужик-то, и правда, огромный. И страшный. Куда он мне? Чем кормить такого? На оладушках точно не протянет долго. Такому мясо подавай килограммами. Ох, намайусь я с ним, сердцем чую.

Рябушка нервно взъерошила перышки: олигарх ей тоже не понравился. Умная птица, все понимает.

— Надь, короче, мы его там уложили, — Саша выскочил из сеней, запыхавшийся, но довольный. — На коврик для обуви. Пусть немного полежит, оклемается. Вот ключи от наручников. Через полчаса расстегни, а то руки затекут.

Кивнула, пряча ключик в карман передника. Интересные дела творятся... Наручники, кляп, доставка на дом. Прямо детектив, а не деревенская жизнь.

— А мой заказ? — спохватилась. — Не забыли?

— Все привезли, хозяйюшка, — отозвался Санин друг, улыбаясь мне сладко. Но я так зыркнула на него, что улыбка разом сошла.

Ишь, кобель! Тут работы непочатый край, а он глазки строит. Лучше бы дров предложил наколоть. Но куда там, сразу видно — городской. Одни потрапушки на уме.

Мужики стали таскать из багажника своей безразмерной тачки добро, и я даже забыла про олигарха. Вот так счастье привалило! И все, как заказывала. Зять не подвел, оформил все в лучшем виде. Настроение сразу подскочило на несколько пунктов вверх.

— А это что? — ткнула пальцем в ящик с инструментами.

— Подарок, — Саша улыбнулся. — Мы подумали, тебе пригодится. Там и дрель, и шуруповерт, и набор головок. Настоящий мужской набор, ну, для женщины-хозяйки то есть.

— Спасибо, мальчики, — поблагодарила от всего сердца. — Порадовали.

Зять вдруг подхватил меня под локоток и повел в сторону:

— Ты мне звони каждый день с отчетом. Вдруг чего — мы сразу прилетим. По почкам пропишем, чтобы не выкаблучивался.

— Ой, не начинай, — отмахнулась. Это Саша только на словах такой смелый. Я бы поглядела, как он будет этого здоровяка охаживать по почкам — как бы самому не заработать на орехи. — Вот, держи. Для Кати собрала тормозок. Здесь свежие яички, пару курочек, зелень с огорода, кролик... Диетическое мясо. В ее положении — самое оно. Передавай, что скучаю и скоро приеду проведать.

Саша принял пакет с благодарностью, даже просветлел лицом.

— Спасибо, Надь. Я перед тобой в неоплатном долгу. И мы все.

— Ладно, идите уже, — махнула на него. — А то Катя заждалась небось.

Мужики загудели на прощание и стали паковаться в джип. Мотор взревел, и машина умчалась, оставив за собой облако пыли.

Я постояла, глядя вслед. Потом перевела взгляд на гору подарков у крыльца. Потом на дверь, за которой в сенях лежал связанный олигарх. И вздохнула: пришла пора знакомиться с новым работником.

Добро пожаловать в мою новинку, дорогие читательницы!

Добавляйте книгу в библиотеку, ставьте "лайки" (кнопка мне нравится) и следите заключениями Нади и Вадика вместе со мной. Буду рада видеть ваши комментарии.

Если вы впервые на страничках моих книг, не забудьте подписаться ♥♥♥♥

Эта история пишется в рамках авторского литмоба "Мужчина на перевоспитании"

<https://litnet.com/shrt/v-5X>

МУ

Тер

Глава 4

Надя

Потянула на себя дверь и заглянула в приоткрывшуюся щелочку. Лежит, не двигается. Он там вообще жив? Вдруг сердце?

Стало не по себе. Еще помрет мужик, а мне потом что полиции объяснять? Украла миллионера для перевоспитания? Хотя... какой он миллионер. Может так, ипешник средней руки. Но все равно боязно.

Толкнула дверь сильнее и сразу обозначила командирским тоном, кто здесь хозяин.

— Живой?

— Угу.

— Буянить не будешь?

— Угу.

— Так, я что-то не пойму: да или нет?

В ответ раздалось странное мычание. Вдохнула-выдохнула и подошла ближе. Пока он в наручниках — не так страшно. Сейчас поглядим на этого олигарха вблизи. Еще не поздно вернуть зятя и его дружков.

— Так, слушай сюда, Вадик... или как тебя там? Я вытащу кляп, и мы поговорим. Но если мне что-то не понравится — верну тряпку на место. Уяснил?

Здоровяк кивнул, настороженно и медленно. Мы с ним походили на двух саперов на минном поле: шаг влево, шаг вправо — бум!

— Вот и чудненько... Сейчас.

Потянула за черную тряпку, которая оказалась... носком. И тут олигарха прорвало.

— Суки! Убью! Друзья называются. Твари бессердечные! Я чуть не задохнулся. Руки расстегни! Живо!

— Ого, быстрый какой, — зло хмыкнула и стала засовывать носок обратно. — Раскомандовался. Чай не у себя дома.

Олигарх принялся яростно крутить головой, усложняя мне задачу.

— Лежи смирно! — прикрикнула на него.

— Не надо кляп! — взвыл белугой в ответ.

— Ладно, черт с тобой, лежи так! — фыркнула, так как от борьбы с ним стало жарко. — Только не выражайся при мне.

— Не буду выражаться, если ты меня отпустишь.

— Я пока не уверена, что уже можно.

Отошла на пару шагов, чтобы оценить картину в целом. Здоровый злой мужик — это раз. От него дурно пахнет — это два. В-третьих — одет странно: фирменные джинсы дорожные, домашняя майка растянутая и плед — выдавший виды. И к тому же, без обуви. И где я возьму ему калоши сорок пятого размера?

— Ну. Все рассмотрела? — буркнул исподлобья, стреляя в меня злыми синими глазами.

— Положим не все, но многое, — ушла от ответа. — У нас с тобой, Вадик, есть полчаса на то, чтобы найти общий язык.

— Почему полчаса? — напрягся еще больше. Даже предпринял попытку сесть, но из положения мордой вниз — не очень-то сподручно это делать.

— Потом у тебя руки затекут до безобразия, перестанешь пальцы чувствовать. Сперва онемение тканей, а за ним — и некроз.

Наговорила с три короба, пытаясь достучаться до мозгов, залитых винными парами. Так-то олигарх выглядел почти трезвым, только злым очень. И видно было, что ему очень плохо,

на «отходняках». Концентрируется с трудом, дышит нервно. Да уж, тяжелый пациент мне достался.

— Хорошо, — выдохнул обреченно. — И что ты хочешь знать? Как мне тебя убедить отпустить меня? Ты вообще кто — местная знахарка? Ведьма?

А вот тут стало обидно.

— Ну знаешь ли... Ведьмой меня еще не называли! Я тебе что, бабка из глухой деревни с заговорами? Я агроном по образованию, между прочим!

Развернулась и пошла в дом. Хлопнула дверью посильнее, чтобы его проняло. Грубиян!

Засекла пять минут и стала ждать. Ох и долго тянется время, когда не надо. Но Вадику стоило понять одно: со мной надо дружить, уважительно обращаться. Иначе... лежи на коврике, как псина дворовая.

— Я больше не буду! Слышь, хозяйка? Прости, а?

Его громоподобный бас был отлично слышен в кухне, но я выдержала отмеренные минуты и только потом вернулась в сени.

— Успокоился? — уточнила.

— Ага. Вспылил, с кем ни бывает.

— Ладно, чего уж там..., — отвела глаза. Мужика надо было отпускать, время на исходе, да и жаль его, как ни крути. Бедолага. Друзья у него — еще те... затейники.

— В общем так, ты находишься на моей куриной ферме, далеко от города. На своих двоих не уйдешь, мой транспорт — не получишь, я за этим прослежу. Людей поблизости — пару десятков старушек, да и только. Магазинов нет, опохмеляться негде.

На этих словах Вадик еще больше помрачнел. Наступила на большую мозоль? Или совесть проснулась?

— Возиться мне с тобой некогда, как и уговаривать не дурить. Дело твое: хочешь — поправляйся, дыши воздухом. Не хочешь — топай в город. Только без тапок это будет сидеть довольно проблематично. В душу к тебе лезть не буду — не мозгоправ. Но если захочешь поболтать за чаем вечером — пожалуйста, хорошей компании буду рада. Я же тебе предоставляю уникальную возможность: трудотерапия называется.

— А награда какая? — встрял олигарх с вопросом.

— Награда? Покормлю тебя. Вкусно, по-домашнему. Свежий воздух и красоты — бесплатно прилагаются. Так что? Сработаемся?

Олигарх посопел-посопел и кивнул:

— Я попробую.

— Отлично. А теперь лежи смирно — расстегну наручники.

Маленький ключик легко вошел в замочную скважину, и я провернула разок. Левая рука оказалась на свободе, и олигарх сразу зашевелился, стал переворачиваться.

— Дальше я сам, — буркнул и отобрал ключ. Избавился от наручников и стал растирать покрасневшие запястья. Я все еще возвышалась над ним, чувствуя себя странно: большой мужчина сидит на коврике для обуви, у моих ног. Не смотрит в глаза, только дышит громко. И как же мы с ним поладим?

Наша героиня Надюша: умница, хозяйственная и очень самостоятельная.

Глава 5

Вадим

Хозяйка куриной фермы смотрела в упор, а я сидел на ковре — идиот идиотом. И что дальше? Чего молчит?

— Ванная где? — спросил, вспомнив о том, что с утра не умывался. А от меня амбре стоит — можно ос выкуривать.

— Ванная? — она хмыкнула как-то с издевкой. — Ну пошли, покажу апартаменты.

И мне сразу не понравился этот тон. Неужели из всех удобств здесь — ведро и дырка в земле?

Хозяйка повела меня в дом, и я стал вертеть головой. Чисто, уютно, но просто. Ничего лишнего, никаких безделушек-пылесборников. Только салфетка кружевная под телеком... совсем как у бабок в деревне. Вот уж и правда, глухомань.

— Вот здесь можешь привести себя в порядок, — она толкнула дверь и показала рукой на маленькую комнатку.

Вот черт! И правда, ведра-тазики...

— Неужели водопровода нет?

— Был. Да что-то где-то там перерыли у трассы. Перебили трубу. Какой день без полива огород стоит, — она вздохнула горестно. — Еще немного и рассада моя зачахнет. Так что с водой экономно. Вот тут мыло, там — свежие полотенца. Можешь взять бритвенный станок одноразовый — бородищу твою сбрить чем-то надо.

Поскреб пятерней подбородок. Да, зарос. Но и сбривать неохота.

Хозяйка аккуратно обогнула меня по широкой дуге и ушла, оставив наедине с лейками, склянками, ведрами. И как она здесь моется? Ведрами с колодца таскает? А грязную воду куда? Засада.

Осмотрелся. В углу — большой таз, рядом два ведра: одно с водой (я потрогал — пиздец ледяная), другое пустое. Сверху на чистом полотенце лежит кусок мыла, мочалка и одноразовый станок. Банные процедуры по-деревенски.

Пока плескался над тазом, пытаюсь не залить все вокруг, голову будто сдавило тисками. С похмелья всегда так — сначала легче, а потом с новой силой накрывает. Но вода и правда помогла. Умылся, побрился кое-как (станок оказался так себе, но хоть что-то), причесался пятерней.

В майке и пледе выходить как-то стрёмно. Пусть майка и не сильно грязная, пару дней на мне, а вот от джинсов за три тысячи баксов разит, будто я в них ночевал на вокзале. Так и есть, кстати. Было дело.

Вышел на кухню. Хозяйка возилась у плиты, и оттуда пахло так, что у меня свело кишки. Я только сейчас понял, что жрать хочу зверски. Когда ел в последний раз? Позавчера? Или вчера утром? Бутерброд с колбасой вроде был. Или это мне приснилось?

— Умылся? — спросила, не оборачиваясь.

— Ага.

Повисла пауза. Она помешивала что-то в кастрюле, я топтался в дверях, как приبلудившейся кот.

— Тебя как звать-то, хозяйка? — спросил, чтобы заполнить чем-то тишину.

— Надя.

— А меня Вадим. Но ты уже в курсе, — хмыкнул.

— В курсе, — она обернулась наконец. И я прямо нос к носу с ней столкнулся. Ну, не совсем нос к носу — я выше на голову, но вблизи рассмотрел лучше.

Ничего так бабенка. Волосы темные, толстой косой убраны, глаза серые, с хитринкой. Сама ладная, ухоженная, хоть и в фартуке заляпанном. И пахнет от нее не курятником, а пирогами и чем-то мятным. Я аж дыхание задержал — так контрастно после моего собственного амбре.

— Что уставился? — спросила строго, но без злости.

— Смотрю, кто меня в рабство взял, — ляпнул и сам не понял, зачем. То ли по привычке язвить, то ли в попытке отшутиться.

— В рабство? — Надя усмехнулась, уперла руку в бок. — Слышь, работничек, рабы бесплатно пашут. А тебе за труды кормежка обещана. Так что ты у меня на зарплате, считай.

— Зарплата — еда? — присвистнул. — Ну ты и работодатель. Профсоюзу пожалуюсь.

— Профсоюз у меня один — вон, Рябушка, — она кивнула на курицу, которая каким-то образом просочилась в дом и нагло заглядывала в кухню.

Я посмотрел на курицу. Курица посмотрела на меня. В ее глазах читалось явное превосходство.

— Она у тебя за главную?

— Главное всех только петух. Но он заперт в вольере, так что я тут за главную, — Надя отвернулась к плите, но я успел заметить, что она улыбается. — Садись давай, пока не остыло.

Втиснулся с трудом в небольшое пространство между столом и стулом. Стол простой деревянный, домотканая дорожка, тарелки с васильками. Уютно, черт возьми. Давно я так не сидел. В моей квартире — стекло, хром, минимум мебели. А тут прямо-таки жизнь.

Надя поставила передо мной тарелку с дымящимся супом. Запах — с ума сойти.

— Куриная лапша, — пояснила. — Все свое, домашнее. Ешь давай.

— А вдруг отравлюсь?

— Не отравишься, — спокойно ответила, устраиваясь напротив. — Я своих кур люблю, они у меня счастливые живут. Счастливое мясо — полезное мясо.

Я попробовал и чуть язык не проглотил. Горячо, наваристо, зелень свежая, лапша домашняя... Мама так готовила, еще в детстве.

— Вкусно, — сказал коротко.

— Стараюсь, — кивнула. Потом прищурилась: — Слушай, а чего друзья тебя так? Связали, привезли... Ты реально настолько безнадежный?

Я поперхнулся.

— Спасибо за прямоту. А ничего, что я есть пытаюсь?

— Ничего. Я за едой и поговорить люблю. Так чего?

Отложил ложку. Смотреть в эти серые глаза было трудно — слишком пронзительными показались. И в то же время не хотелось врать. Хотя кому какое дело?

— Жена у меня погибла. Год назад. С тех пор... ну, ты видишь.

Надя промолчала. Потом встала, налила чай — мне и себе. Поставила передо мной кружку. И снова на ней васильки, как на тарелках.

— Держи. Пей.

— А чего без сахара? — спросил, чтобы сменить неприятную тему.

— Сахар — яд. Привыкай к полезному.

— Ты вообще кто? Диетолог? — усмехнулся, но чай отхлебнул. Мятный, недурно.

— Агроном, — напомнила. — И просто хозяйка. У меня тут режим: работа, еда, сон. Никаких излишеств.

— Тоска зеленая, — протянул, но беззлобно, скорее по привычке.

— Тоска у тебя в городе осталась, — отрезала Надя. — А здесь — жизнь. Привыкай, олигарх.

Я усмехнулся в кружку. Олигарх... Знала бы она, что от моего состояния сейчас осталось — половина в бизнесе, половина в бутылке. Или уже не половина.

— А что делать-то надо будет? — спросил, доедая суп. Тарелка опустела незаметно.

— Завтра покажу. Сегодня отдыхай, приходи в себя. Вон, бледный какой, — она окинула меня оценивающим взглядом. — Вот только куда тебя положить... ума не приложу.

— А какие варианты есть?

— Сени или курятник, — с каменным лицом произнесла Надя, но потом смягчилась. — Шучу. В доме, конечно. Комната свободная есть, но с мебелью напряженка.

— А твоя комната где? — спросил и сразу пожалел.

Надя посмотрела так, что мне захотелось провалиться сквозь пол прямо в чертов курятник.

— А моя комната тебя не касается, — отчеканила. — Пошли, покажу, где твоя берлога.

Авторская фантазия на тему того, как мог бы выглядеть наш Вадик)) Хорош, скажите?)

Глава 6

Вадим

Комната оказалась просторной, той самой гостиной, через которую я топал в «ванную». Вот только из мебели тут действительно было негусто: комод, стол, телек и два кресла. Обычных таких кресла, деревенских — с подлокотниками, обивка в цветочек.

— А спать где? — спросил, оглядывая это великолепие.

Надя как-то озадаченно вздохнула и тихо выдала:

— Сейчас что-нибудь придумаем.

Пока я стоял как столб, не зная куда себя деть, Надя принялась устраивать мне спальное место. Но глядя на ее старания, хотелось махнуть рукой. Как я там умещусь?

Она два кресла совместила вместе, а чтобы места было больше, между ними вклинила стулья. Накидала сверху тряпок — в смысле, полотенце и покрывал, — подушек. Получился паровозик, а не кровать.

— Ну вот, как-нибудь перекантуешься сегодня, а завтра я что-нибудь придумаю еще, — сказала она, отряхивая руки.

Выдохнул. Да тут и ребенку не очень-то удобно будет, не то что мне, здоровому мужику под метр девяносто. Но жаловаться не стал — стыдно перед бабой. Сам вляпался, сам выплывай.

— Отдыхай. Туалет на улице. Надо будет выйти — обуешь мои шлепанцы, — Надя кивнула на резиновые тапки у порога. — Вода в ведре, если пить захочешь.

Последний раз стрельнула глазами — вроде проверяла, не буйный ли я на свободе, и прикрыла за собой дверь.

Стало тихо. Даже слишком. В городе никогда не бывает такой тишины — там всегда гудит что-то: машины, соседи, холодильник, собственные мысли. А здесь — ни звука. Только где-то далеко курица квохчет.

Я прошелся до окна и обратно, поглазел на двор. Там был такой же порядок, как и везде: аккуратные рядки грядок, светлые постройки вдаль. Курятники? И как она одна справляется с таким хозяйством? А муж где?

Вопрос повис в воздухе. Но лезть не хотелось. У меня своих проблем вагон.

Потом попытался устроиться на своем импровизированном ложе и тут же ебнулся на пол. Стулья разъехались, тряпки попадали, я грохнулся так, что зубы клацнули.

— Твою ж дивизию! — прошипел сквозь зубы, потирая ушибленный локоть.

Хотел было уже Надю позвать, да не стал. Нахрен, перебуюсь. Еще подумает, что я беспомощный. Встал, оглядел руины своего спального места и принял волевое решение.

Постелил на полу. Прямо так, на ковре. Свернул одно покрывало в подобие матраса, вторым укрылся. В кресле сидеть всю ночь — то еще удовольствие, а на полу хоть спину вытянуть можно. Подушку приспособил под голову.

Щелкнул пультом от телевизора, в попытках забыться под тупые передачи. Но телек никак не отреагировал. Может, батарейки в пульте старые?

Я и так, и эдак покрутил пульт, постучал по нему ладонью, даже попробовал батарейки на вкус — глухо. Экран оставался черным, как моя жизнь в последний год.

— Блядство!

Пульт улетел в противоположную стену.

Время потянулось медленно, тоскливо.

Я отвык засыпать на трезвую голову — внутри поджилки неприятно тряслись. Хотелось как раньше: опрокинуть стакан, и сразу полегчает. Обжигающее тепло расплзется по телу, расслабит мышцы, и мысли перестанут метаться, как крысы в клетке.

Но вместо этого я только плотнее закутался в собственный плед и свернулся калачиком на полу. Пахло деревом и чуть-чуть — той самой мятой, запах которой уловил от Нади. Странно, но этот аромат успокаивал.

Где-то в доме скрипнула половица. Надя еще не спит? Или показалось?

Прикрыл глаза. Хоть бы не сдохнуть до утра. Хоть бы не сорваться.

А в голове крутилось дурацкое: «И как она одна? С утра до ночи вкалывает, никого рядом. И ничего, живая. Красивая даже. А я — тряпка. Без жены пропал, без бутылки жить не могу...»

Мысли путались, цеплялись одна за другую, и в конце концов я провалился в тяжелый, без сновидений сон.

Глава 7

Надя

Я успела умыться, попить чаю, громко посудой побренчать, но олигарх... продолжал дрыхнуть без задних ног. Нет, мил друг, так дело не пойдет. Кто в деревне живет — тот рано встает. Если бы я до полудня бока отлеживала, мои куры с голоду опухли, а сорняки весь огород сожрали.

— Вадик, подъем!

Рывкнула и для пущего эффекта шваркнула поварешкой по железной крышке. Бах! Звук разнесся по всему дому, как выстрел.

Эффект пробуждения оказался слишком сильным.

— Что? Где? Стоять, суки! — Вадик резко сел на своем полу, тараша сонные и красные глаза в пустоту. Руки сжались в кулаки, готовые к обороне. Я даже отступила на шаг — вдруг бросится.

— Тише, боец. Это всего лишь я и моя куриная ферма, — сказала миролюбиво. — Никто не нападает.

— Блядь. Чуть сердце не встало, — выдохнул он, хватаясь за грудь. — Нахрена так делать?

Мало того, что снова ругаться принялся, так еще и отвернулся к стенке, будто не было сигнала к подъему. Ну ладно, по-хорошему не хочешь...

— Сегодня дел много. Если весь день проваляешься в постели — останешься без обеда.

Вадим приоткрыл один глаз и глянул на меня исподлобья.

— А завтрак и ужин? Может, полдник, как в садике? — язвительно пробурчал, но уже без прежнего напора.

— В мечтах, Вадюша. Все в мечтах, — вернула укол и вышла, пока не вляпалась в перепалку. С непривычки все время хотелось послать куда подальше чужого упертого мужика.

День побежал, полетел, поскакал... Некогда было и головы поднять. Кур накормить, остальной живности корму задать, грядки с редисом проредить. С лейкой пробежаться по всему участку, таская воду из колодца... Тяжело. К двенадцати спина уже молила о пощаде, но до отдыха было далеко.

А этот «помощничек» так и не показался на глаза. Сидит, поди, в телевизор пялится или носом в полу клюет. Ну ничего, голод не тетка — выгонит наружу.

На кухне я решила заняться делом, от которого всегда поднималось настроение. На столе насыпала горкой муку, разбила яичко и стала потихоньку подливать воду. Пельмени! Хоть и много мороки, да ничего вкуснее домашних пельменей нет. С мясом, с луком, да со сметанкой — пальчики оближешь.

От хорошего настроения и предвкушения теплого обеда стала напевать под нос:

— Белые розы, белые розы, беззащитны шипы...

Фальшивила, конечно, но кто услышит? Куры не критики.

И тут — тяжелые шаги. Я даже удивилась: думала, он легче ходит, спортивная же кость, а на деле топают, как медведь-шатун.

— Жрать скоро, хозяйка? — голос хриплый, сонный, но уже наглый.

Улыбнулась, не оборачиваясь. Ну-ну, неужто есть захотелось?

— Выспался, Вадик? — спросила почти ласково, продолжая месить тесто.

— Твердо было. — Он подошел ближе, встал за спиной. Лопатками почувствовала взгляд. — На полу вообще-то спал. Кресла эти твои разъехались.

— А я предупреждала, это на время, перекантоваться ночь. Не отель, — пожала плечами.

— Вся шея затекла, спину ломит, — продолжил бурчать, как старый дед. И чего такой хмурый? Должен был выспаться. Это я на ногах с самого рассвета.

— Бедненький, — вздохнула еще жалостливее, специально растягивая слова. — Может, мамочке твоей позвонить? Чтобы сыночку-корзиночку пожалела? Платочек привезла из собачьей шерсти, чайку с малиной?

Развернулась, уперев в него прямой взгляд.

Ох и недовольная рожа у мужика! Брови нахмурены, челюсть сжата, глаза сверкают. Но молчит. Переваривает.

— И чего, даже чаю не предложишь? — выдал наконец, сложив руки на груди. Замер, подпирая дверной косяк здоровенным плечом. Да на нем пахать надо, а он тут про чай спрашивает! — Что ж ты за хозяйка такая, негостеприимная?

Я оглядела его с головы до ног. Плед, майка, физиономия снова стала зарастать. Настроение, судя по всему, хуже некуда, а вот аппетит зверский.

— Значит так, «бодибилдер», — шагнула ближе и ткнула пальцем в широкую грудь. Пальцу стало больно от литых мышц, но виду не подала. — У меня здесь не пятизвездочный отель. Хочешь есть — дуй чистить курятник. Хочешь пить — вон колодец, ведро в зубы и вперед.

Вадим, еще вчера ворочавший миллионами, обвел меня взглядом, полным праведного гнева. Казалось, еще секунда — и он наверняка взорвется.

— Ты хоть представляешь сколько стоит час моего времени, женщина? — процедил сквозь зубы, а синие глаза опасно сузились.

— Знаю. Ровно одну порцию моих домашних пельменей, — отрезала, ни секунды не сомневаясь. — Кстати, будут с мраморной говядиной. Ну, почти. С нашей деревенской телятинкой.

Он голодно сглотнул: заметила, как дернулся кадык.

— А теперь ноги в руки — навоз сам себя не перекидает. До обеда остался час, — демонстративно посмотрела на часы. — Пошевеливайся, Вадик, а то останешься с пустым желудком. И не надейся, что стану кормить дармоеда.

— Дармоеда?! — взвился он. — Да я... Да у меня...

— Что? Рестораны? Яхты? Пароходы? — перебила спокойно. — Здесь это не работает. Здесь другие деньги, трудовые. Заработал — получи обед.

Вадик пыхтел, как паровоз. Я уж думала, сейчас развернется и уйдет в дом, закроется и будет голодать из принципа. Но...

— И где этот твой курятник? — спросил так, будто каждое слово сквозь бетон пробивал. Я чуть не расхохоталась, но сдержалась.

— За домом, увидишь. Вилы в сарае, тачка там же. И запомни: куры — это не просто птицы, это мои кормилицы. Обидишь хоть одну и останешься без ужина в том числе.

Скрип зубов я отчетливо услышала. А еще, как громко хлопнула входная дверь. Так, что стекла в шкафу зазвенели.

Ну надо же, что голод с людьми делает!

Проводила взглядом широкую спину в окно и улыбнулась. Ну, посмотрим, на что ты способен, олигарх. Покажешь класс или сломаешься на первом же задании?

А меня ждало тесто. И... пельмешки.

Глава 8

Вадим

Вылетел из кухни, шваркнув дверью так, что за стенкой жалобно зазвенела посуда. Разбил? Ну и хрен! Грудь распирала злость, как пережатый газом баллон. Дармоед, значит? Вот же... садистка в юбке.

Никто и никогда со мной так не обращался. Послать кидать навоз за жратву! Уму не постижимо. У меня же...

А что у меня? Денег куча. Была. Осталась только куча навозная.

— Тьфу, — сплюнул на крыльцо от злости и огляделся.

Ну и где этот чертов курятник?

Двор выглядел аккуратным, даже красивым в своей деревенской простоте. Грядки ровные, словно под линейку, дорожки посыпаны. Но меня это не радовало, а раздражало. Голова гудела, во рту стало сухо, как в пустыне Сахара. Я думал, вчера был пик похмелья — нет, сегодня оказалось хуже. Организм понял, что его обманули, и мстил с особой жестокостью.

Обулся в резиновые шлепанцы, которые валялись у порога. Розовые, с пластиковыми бантиками. Сороковой размер, не больше. Мои лапы сорок пятого влезли лишь наполовину, и теперь пятки свисали, как у цапли.

— Прекрасно. Просто замечательно, мать вашу!

Пошел к сараю, шаркая ногами по весенней траве. Шлепанцы хлюпали, чавкали, норовили слететь. Я чувствовал себя клоуном в цирке. Еще красный нос прицепить — и вперед, развлекать публику.

Надя наверняка сейчас смотрит в окно и ухохатывается. Представил ее лицо и злость утроилась.

Курятник нашелся сразу за сараем. Деревянный, крашенный, с сетчатым загоном. Огромный! А запах... Вот это вонь. Смесь аммиака, соломы и куриного помета ударила в нос, и я закашлялся.

— Вот тебе, Вадик, и ароматерапия.

Куры, увидев меня, оживились, забегали. Некоторые уставились с таким видом, будто я был их личным развлечением на сегодня.

— Чего вылупились? — огрызнулся.

Одна, белая, с красным гребнем, подошла ближе. Замахнулся на нее ногой — хотел пнуть со злости, а она даже не шелохнулась. Просто продолжала смотреть своими глупыми куриными глазами.

В голове всплыли слова хозяйки: «Обидишь хоть одну — останешься без ужина». Опустил ногу. Не потому, что жрать хотелось зверски, хотя и по этой причине тоже. А потому что... стыдно стало. Она же мелкая, дурацкая. Не виновата, что меня сюда привезли и я такой лузер.

— Ладно, живи, — проворчал и пошел искать вилы.

Они стояли в углу сарая. С длинным деревянным черенком и довольно острыми «зубами». Взял их в руки и вдруг поймал себя на мысли, что держу правильно. Это откуда? В детстве дед показывал? Или генетическая память проснулась?

Тачку нашел рядом и выкатил к курятнику. На свету стало заметно, что тачка не новая, местами ржавая. Колесо бы заменить да пройти краской...

Но меня ждал навоз. Целая тонна куриного помета, и куры старательно пополняли ее прямо на глазах.

— И как вы столько успеваете насрать за день? — выплюнул вслух. — Вот это суперспособность. У нас в офисе сто человек за неделю столько не гадят.

Куры, естественно, не ответили. Только закудахтали громче, словно насмехаясь надо мной.

Скинул плед на пень и помахал руками, разминаясь. Сейчас бы на турник, подтянуться... хоть один раз. В майке было свежо, но уж что поделать. Засучил рукава — символически, потому что рукавов у меня не было, и взялся за вилы.

Первая порция навоза оказалась тяжелой, вонючей и.. ничего так на самом деле. Просто такая работа. В нее включались все мышцы: руки, шея, спина, ноги. Через десять минут я даже позабыл про головную боль. Через полчаса — про то, что пил беспробудно несколько недель подряд. Тело работало на автомате: загрузил, отвез, вывалил. Загрузил, отвез, вывалил.

— Идиоты, — бормотал, перекидывая очередную порцию, вспомнив про друзей. — Связали, привезли, сдали бабе на поруки. А еще друзья называются. Саня — предатель номер один. Герман — тот вообще..., чуть не уронил меня. А эта... хозяйка... генеральша... Заставила говно грести. Пельмени у нее, видите ли, дорогостоящие!

Куча за сараем росла. Пот заливал глаза, майка прилипла к спине. Розовые шлепанцы скользили по мокрой траве и дерьму, но отдыхать было некогда. Отведенный час подходил к концу.

И вдруг я понял: а ведь ничего и не болит. Совсем.

Разогнулся, вытер лоб рукой и прислушался к себе. Тишина. Ни бешеной аритмии, ни тяжести, ни тошноты. Только усталость в мышцах, но приятная, тягучая, как после хорошей тренировки. Куры, которые уже привыкли ко мне и перестали шарахаться, показались даже милыми. Совсем отдаленно.

— Неужели работает трудотерапия?

Конечно, я не собирался признавать, что Надя была права. Ни за что. Но...

Подумать только — навозная терапия. Лучшие психологи и дорожные клиники отдыхают. Стоило просто взять вилы и начать работать. Интересно, как надолго хватит этого эффекта? Может, удастся уже завтра вернуться в город? Было бы неплохо.

Пахло от меня теперь так, что самому было противно. Руки в навозе, шлепанцы натерли мозоли, спина ноет. Но внутри стало легче. Странно, да?

Поднял голову к небу. Голубое, чистое и облака плывут. Давно я его так не разглядывал, разве что в детстве. И тут вдруг — Аленушка вспомнилась. Эх, Алька. Видела бы ты меня сейчас... Позорище.

Тряхнул головой, возвращаясь к работе. Нет, не думать. Иначе опять вернется боль, отчаяние, мысли дурацкие: покончить с этим миром одним махом, чтобы уж наверняка. Лучше думать о чем-то приземленном, понятном.

Например, о награде. Надя обещала пельмени с мраморной говядиной...

Усмехнулся и кинул вилами еще пласт в тачку. Может, эта деревенская жизнь не такая уж и пытка? Привыкнуть только надо.

Но эти проклятые розовые шлепанцы я все равно сожгу, при первой же возможности!

Приглашаю всех в еще одну очаровательную новиночку нашего литмоба:

МИЛЛИАРДЕР на перевоспитании, или КАК укротить ЭГОИСТА

В нашу деревню приехал миллиардер. Всем девкам голову вскружил. Повредил мой забор. Нахамил. И был таков. Но мы встретились вновь на сельсовете. Мажор соловьём заливался, обещал исполнить последнюю волю покойного деда и поднять с колен Великие Лужи. Старушки обрыдались от умиления. А мужики уже готовы качать благодетеля на руках. Все поверили. Кроме меня.

В тексте вас ждут:

Одна бойкая и жизнерадостная девушка ветеринар.

Сногшибательно привлекательный эгоист-миллиардер.

Деревенская жизнь во всей красе.

Противостояние характеров

И конечно же, море тепла и юмора.

<https://litnet.com/shrt/BnCK>

Глава 9

Вадим

Через отведенное время пошлепал обратно к дому. Вот только в таком виде заходить даже мне совестно стало. У Нади там чисто, пол выскоблен, а я... в дерьме.

— Надя, — позвал, стоя у крыльца. Не слышит, что ли?

— Надь!!

Дверь тут же распахнулась и показалась хозяйка. Полотенце переброшено через плечо, на щеке — мука. И пахнет от нее в разы лучше, чем от меня, чем-то съедобным.

— Я это... — развел руками. Слова тут излишни.

— Ох да, пахнешь — улет! — она хмыкнула, показалось, издевательски. — За домом есть душевая кабинка, летняя правда. Вода еще не прогрелась, конечно, но смыть это как-то надо в любом случае. Подожди минуту, сейчас вынесу мыло и сменную одежду.

— А у тебя есть что-то моего размера? Я в бабском халате ходить не буду.

— Ишь, капризный какой. Погляжу что есть.

И она стрельнула глазами хитро. Ну точно лиса!

Через минуту вернулась с целым пакетом каких-то шмоток и мыльно-рыльными делами.

— Мыло, полотенце и мочалка. А вот здесь покопайся — может что-то и подойдет. Не бойся, мужская одежда. От прошлой жизни осталась.

Очень сильно хотелось выругаться вслух: от всей души, трехэтажными загнуть, но сдержался. Не из уважения к Наде и ее правилам, а потому как другого выхода у меня не было. Придется щеголять в чьих-то обносках. Бывшего ее?

Летний душ на то он и летний, что летом в нем тепло, вода в баке нагревается. Но когда я залез под лейку и разделся, маты полетели сами по себе:

— Сука! Блядь! Пиздец! Холодно! Ай!

Мыло упало, ноги в шлепанцах разъехались. Не упал только потому, что застрял в плечах. Душевая явно была рассчитана на Надину комплекцию, а не мою.

Мылся быстро, проклиная весь белый свет. Но попытка холодом закончилась и настал черед нового испытания. Шмотки Надькины были курам на смех: крохотные какие-то. Она их с гнома сняла что ли?

Промыл ненавистные розовые шлепанцы, застирал собственные вещи и кое-как развесил на дверце сушится. Намотал полотенце на бедра и побрел к дому, с трудом сдерживая рвущуюся ярость. Вообще-то я по характеру спокойный, вдумчивый. Но эта чертова деревня с вонючим курятником превращала меня в халка. Такого же зеленого и такого же злого.

— Надя, твою мать! — влетел в кухню, придерживая полотенце на бедрах. — Ты издеваешься? Как я в это, по-твоему, должен влезть?

Швырнул к ее ногам футболку и шорты. Она их с подростка сняла?

Надя невозмутимо сдула прядь, которая упала на нос.

— А ты что ждал, Вадюш? У меня тут не бутик, и даже не секунд хенд... И нечего светит хозяйством: от холодной воды там и взглянуть не на что.

Перевел взгляд вниз и снова выругался. Предательское полотенце приоткрылось, открывая сокровенное. Вот же блядство!

— И что мне делать?

— Придется все-таки в моем халате походить. Ну или можешь остаться так: закалка, свежий воздух. Вроде бы где-то слышала, что для мужского здоровья полезно в холоде инструмент держать.

Надя уже натурально надо мной стебалась. Это было видно по трясущимся от смеха плечам, по тому, как она старательно прячет улыбку. Выдохнул. А и черт. Уж лучше халат, чем так.

— Тащи. Я замерз.

— Ох и бедовый ты, олигарх. Ну ничего. Сейчас пообедаешь и согреешься. А завтра... Завтра я куплю тебе что-нибудь из одежды, если будешь хорошо себя вести.

Надя скрылась в своей спальне, а у меня шестеренки в голове закрутились: магазинов поблизости нет — сама говорила. Значит, придется в город ехать. Это мой шанс. Ноги в руки и нахер отсюда, подальше. Если придется — в багажнике ее тачки спрячусь, но уеду. Все, наотдыхался и надышался свежим воздухом на год вперед. Баста!

Дорогие читательницы!

Приглашаю вас в новинку литмоба "Мужчина на перевоспитании":

Тиана Лимм и Валентина Элиме представляют

ДЕРЗКАЯ. ДЕРЕВЕНСКАЯ. МОЯ!

Варвара Королькова вместо городской суеты предпочла деревенскую тишь. Она растит коз и коров и варит сыр в забытом богом поселке. Прибыли – ноль, соседи – пара десятков пенсионеров, а в мечтах – перекрыть крышу... И когда кажется, что хуже уже некуда, на разбитой грунтовой дороге появляется черный внедорожник.

Он мечтает стать владельцем крупного агрохолдинга. Его цель: превратить крошечное хозяйство Вари в образцовую ферму и получить наследство. Ведь на кону бизнес его семьи.

Ее цель: не дать наглому столичному мажору разрушить то небольшое, что она создала. Но чем больше они спорят и ненавидят друг друга, тем сильнее притяжение между ними. Смогут ли они перестать бороться и довериться чувствам?

Герои этой истории ждут вас здесь: <https://litnet.com/shrt/eILz>

Приятного чтения!

Глава 10

Вадим

Остаток дня пролетел как в тумане. Пельмени, конечно, оказались высший класс, как и обещала Надя. Я слопал две порции, выпил чаю — снова без сахара. Но на этом приятное закончилось и потянулся длинный монотонный вечер, который нечем было скрасить. Я пялился в потолок и проклинал всех, кого мог припомнить: друзей, Надю, кур, розовые шлепанцы. Лег на полу — другого варианта все равно не было. Полночи ворочался, считал щели в половицах. Мысли лезли гадкие: о жене, о том, как я дошел до жизни такой, о плане побега. Уснул только под утро, когда за окном уже начало сереть.

А в восемь раздался оглушительный стук поварёшки по крышке.

— Вадик, подъём! Завтрак стынет!

Приоткрыл один глаз. Восемь часов, блядь. Это не жизнь, а пытка временем. В городе я мог валяться до полудня, а то и до обеда. Здесь же, твою мать, утренние побудки. Мы что, в армии?

— Иду, — прохрипел, не разжимая зубов.

Поднялся. Спина затекла, шею прострелило. Встал, потянулся — хрустнуло так, будто мне лет восемьдесят. Настроение изначально было ниже плинтуса. Ноль. А то и ниже ноля.

Вышел в кухню и окинул уютное помещение мрачным взглядом.

Надя стояла у плиты, и сегодня на ней было платье. Обычное такое, ситцевое, с мелкими цветочками, но ей шло. Волосы распущены и улыбается, зараза, как ни в чем не бывало. Яркая, свежая. Контраст со мной, как небо и земля.

— Доброе утро, — сказала, поворачиваясь. В руках — сковорода. — Выспался?

— Ага, — буркнул.

На столе аккуратной стопкой лежала моя одежда. Уже высохшая, чистая. Джинсы, майка — все постирано, поглажено даже? Я взял майку и принялся: пахнет травой и чем-то цветочным.

— Спасибо, — выдавил из себя. И когда только успела?

— Не благодари. Иди одевайся, яичница почти готова.

Я вернулся в гостиную, натянул одежду. Джинсы облегли, но ничего — свои, родные. Выдохнул. Чистое тело, чистая одежда — стало легче. Хотя голова все равно оставалась тяжелой. Мне бы еще пару часов сна, и желательно на кровати.

На кухне меня ждала яичница. На большой тарелке, с помидорами и зеленью. Желтки — яркие, оранжевые, как маленькие солнца. Голодно сглотнул. Налетел на яйца, даже корочки не оставил. Надя сидела напротив, попивая чай и смотрела в окно. Молча.

Пока жевал, все косился на нее. В платье она была... другой. Не суровой фермершей в фартуке, а просто женщиной. Красивой, между прочим. Если бы не эта ее командная жилка и розовые шлепанцы, может...

Встряхнул головой. Откуда эти фантазии?

— Надя, — начал осторожно, отодвигая тарелку. — Нам же сегодня за одеждой? Ты обещала.

Она повернула лицо ко мне, спокойная, неторопливая. Взяла чайник, подлила мне в кружку — под самый краешек.

— Доедай и поедем, — кивнула. — У меня тоже дела есть в городе.

Я еле сдержал улыбку.

Да! Сегодня! Вырвусь из этого курятника, сяду в машину и — все, прости-прощай. В городе поймаю такси и сразу домой. И забуду эту чертову деревню как страшный сон.

Сделал безразличное лицо и кивнул:

— Хорошо. Я готов.

Надя посмотрела на меня долгим взглядом. Прищурилась, будто читала мысли и коротко улыбнулась.

— Только уговор: ты ведешь себя тихо, без фокусов. Иначе — обратно пешком, и шлепанцы оставляю тебе на память.

— Конечно, — согласился сразу. Внутри же все кричало: «Едуууу! Сейчас!»

Но виду не подал.

Надя встала, поправила платье, достала ключи от машины. Все это время они лежали на видном месте, вместе с вилками и ложками в ящике. Вот же я идиот!

— Тогда поехали. Только за руль не просись — я сама поведу.

Пожал плечами. Да хоть на крыше — лишь бы подальше отсюда.

Мы вышли во двор. Надя выгнала старенькую «Ниву» из одного из сараев, оказавшихся гаражом. Я нетерпеливо прыгнул на пассажирское сиденье, кое-как втиснув ноги в резиновых тапках. Мотор чихнул раз-другой и завелся.

Мы поехали.

Я смотрел в окно на убегающие поля, и улыбка все-таки выползла на лицо. Прощай, курятник. Прощай, навоз. Здравствуй, свобода!

Город, я еду.

А Надя, не поворачивая головы, хмыкнула и прибавила газу.

Первые полчаса дороги я млел. Смотрел в окно на поля, перелески, покосившиеся столбы. В голове крутился план: как только окажусь в городе, попрошусь в туалет — и до свиданища. Найму такси на первом же перекрестке. Денег нет, но расплачусь по прибытию на место. В крайнем случае пробегусь до остановки общественного транспорта. Короче, как-нибудь выкручусь.

Надя вела молча, только иногда поглядывала на меня с непонятным выражением. Я усиленно делал вид, что люблюсь местными унылыми пейзажами.

Но потом вдруг асфальт кончился. Начались какие-то ухабы, потом — щебёнка. А после нее и вовсе грунтовка.

— Мы куда едем? — спросил, вцепившись в приборную панель, когда «Нива» резко свернула на дорогу, по которой нормальные люди не ездят даже на танке.

— В город, — коротко ответила Надя. — Не нервничай.

— А далеко ещё? Дорога убитая.

— Уже близко.

И правда, через десять минут вдалеке показались крыши. Я напрягся, вглядываясь. Нет, ну не может быть. Где небоскребы? Где эстакады? Где хотя бы светофоры?

Мы въехали в населенный пункт и у меня отвисла челюсть.

Это было нечто. Одна улица, вернее, две, пересекающиеся под прямым углом. Дома — одно- и двухэтажные, с палисадниками. Вдоль дороги несколько чахлах тополей. И все. Ни тебе пробок, ни суеты, ни рекламных щитов.

— Это... город?

— Посёлок городского типа, — поправила Надя. — А чего ты хотел? Областной центр? Так до него три часа тряски. А я не могу весь день на дорогу потратить, у меня — куры.

Куры. Это аргумент, конечно.

Прикрыл глаза. Мечты о такси и быстром побеге разбивались о суровую реальность. Тут даже такси не вызвать — мобильная связь, наверное, только в одном месте и ловится, у столба с объявлением.

Надя припарковалась возле побеленного домишки с вывеской, от которой у меня задержался глаз.

«Сапоги и топоры».

— Приехали, — сказала она с каменным лицом. — Твой бутик.

Покрутил головой. Рядом маячил еще один магазин — «Лакомка», судя по всему, продуктовый. Вот и все, что здесь имеется.

— Ты издеваешься? — переспросил. — Где тут одежда?

— Внутри, — Надя кивнула на дверь. — Там и сапоги, и топоры, и... ну, что-то из одежды найдется, рабочее. Или ты хотел Стокманн?

Вылез из машины, хлопнул дверью как следует. От злости нервный тик и не думал стихать. Осмотрелся вокруг. Самый обычный придорожный поселок: покосившийся забор, пара бабок на лавочке, собака, дремлющая в пыли.

— У тебя чувство юмора, конечно, — процедил сквозь зубы.

— Ага, — согласилась Надя, поправляя платье. — Идем, не стой как истукан. Время — деньги.

— Какие деньги? У меня их нет, — напомнил, пряча кулаки в пустые карманы джинс.

— Я заплачу, — отмахнулась она. — В долг. Отработаешь потом.

— Я уже отрабатываю! Всю жизнь буду тебе должен?

— Не надоело еще ныть, Вадюша? — она сладко улыбнулась, а мне захотелось ее придушить.

Мы вошли в магазин, над дверью звякнул колокольчик. Внутри пахло керосином и чем-то еще неуловимо хозяйственным. На деревянных стеллажах красовались каски, пилы, веревки и валенки. И да, в углу висела одежда. Джинсы неопределенного цвета, фуфайки, телогрейки. Ассортимент, достойный музея советского быта.

— Выбирай, — великодушно предложила Надя.

Обвел взглядом это великолепие. Единственное, что показалось мне более-менее приличным и подходящим случаю — это клетчатые рубашки.

— Сколько?

— Недорого, — продавщица в цветастом халате, которая до этого с интересом нас разглядывала, улыбнулась. — Двести рублей. Но это если без примерки. А с примеркой — двести пятьдесят.

— С ума сошли, — буркнул, пиная оцинкованное ведро, но Надя уже протягивала деньги.

— Берем две, — сказала она. — И нужны штаны какие-нибудь. И обувь.

Мне вынесли простые брюки из темной колючей ткани. Затем продавщица ушла на склад и принесла пару резиновых сапог, пахнувших свежей резиной. Черные, без каблуков, нужного размера.

— Это чтобы ноги не промочил, — Надя кивнула на сапоги. — А то в моих шлепанцах долго не проходишь.

Молча принял пакет с покупками. Внутри все кипело. С одной стороны, я получил нормальную одежду. С другой — она была для работы в курятнике. С третьей — я по-прежнему оставался в заложниках у этой невозможной женщины. И она ни в какую не соглашалась вести меня в настоящий город.

— Надя, — сказал, когда мы вышли на улицу. — А в областной центр можем съездить? Ну, на неделе? У меня там дела.

Она посмотрела на меня так, будто я попросил ее свозить меня на Луну.

— Вадик, — вздохнула, открывая дверь «Нивы». — Ты что думаешь, я не понимаю, зачем тебе в город? Сбежать хочешь?

Замер. Она знала! Знала с самого начала.

— Не обижайся, — продолжила она, усаживаясь за руль. — Я с тобой честна. Никуда ты отсюда не денешься, пока мои куры не научат тебя терпению и смирению. А это, я тебе скажу, процесс небыстрый. Так что оставь фантазии о городе и садись давай.

Сел, стараясь не смотреть на Надю. Я же тут сдохну просто напросто.

— И долго мне так маяться?

— Сколько понадобится, — хмыкнула Надя и завела мотор.

Глава 11

Надя

Олигарх сидел на пассажирском сиденье и был мрачнее самой черной тучи. Казалось, ещё чуть-чуть — и из ушей повалит черный дым, как из старого трактора. Конечно, с «городом» я его обломала, но вариантов вывезти в областной центр не было. И на то имелись причины. Основная — его попытки сбежать, конечно. Мужик он здоровый, а багажник у моей «Нивы» маленький — не запихнёшь. Но, помимо этого, я и сама не стремилась в город. Далеко ехать, бензин палить, хозяйство, опять же, оставлять. Да и что я там не видела? Магазины? У меня своих кур хватает, они и мя

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.